

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. В. Зыкова

АТРИБУЦИЯ НЕКОТОРЫХ ТЕКСТОВ И. И. ДМИТРИЕВА,
В. А. ЖУКОВСКОГО, П. А. ВЯЗЕМСКОГО И М. Т. КАЧЕНОВСКОГО
В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» 1800—1810-Х ГГ.

«Отвечая любопытным, я должен повторить слова одного древнего философа, скрывавшего нечто под плащом и сказавшего знакомому, который выведывал, какое сокровище он несет так осторожно: «Прячу, чтобы ты не узнал». Я же, однако, доверюсь читателю настолько, что дам понять: заглавные буквы под этими статьями — каббалистические, и смысл их слишком значителен, чтобы открыть его миру... Полное объяснение оставим времени, делающему все тайное явным».

(по Дж. Аддисону. «Наблюдатель», № 211)

1. Проза И. И. Дмитриева

Знакомые исследователям прозаические тексты Дмитриева немногочисленны. Их перечень возможно дополнить тем, что затерялось в «Вестнике Европы», скрытое криптонимами.

Как известно, Дмитриев печатался в этом журнале в 1802—1806 гг. до конфликта с М. Т. Каченовским из-за статьи последнего о «Сочинениях и переводах» Дмитриева (1806. № 8, 9). Однако в 1808 г., когда редактором стал Жуковский, Дмитриев возобновил сотрудничество, не выставляя, впрочем, своего имени и подписываясь ***¹.

В первом номере года мы находим этот криптоним под стихами «К Амуру, который прицеливается стрелою», вошедшими в собрания сочинений Дмитриева, и под прозаическими этюдами: сатирическим «Отрывком разговора на бале» и «Мыслями». Мы атрибутируем их Дмитриеву, учитывая, что таким образом в журнале означены помимо них только бесспорно принадлежащие нашему автору басни «Верблюд и Носорог» (1808, № 13) и «Рысь и Крот» (№ 16; в изданиях они ошибочно помечены 1810 г., т. е. годом выхода в свет «Сочинений» Дмитриева). Небольшой объем текстов позволяет воспроизвести их здесь:

МЫСЛИ

Глядя на других, кажется ничего нет легче и приятнее, как жить в шумном свете; но для меня это тяжкая служба — иметь множество знакомых, не по выбору сердца, но по разным маловажным причинам; помнить день их рождения и именин; наблюдать очередь в визитах поспевать в один день и на крестины, и на похороны, и на свадебный бал! между тем, как иной мог бы очень весело провести время в огороде своем, под тенью старой липы, или в уединенной хижине беседуя с любимым мудрецом света, или в прогулке по живописным Московским окрестностям: учтивость, обязанность таскают его из дома в дом! Что мы там делаем? Сидим по несколько часов, согнувшись за картами, потом едим, потом опять за карты, а в промежутках должны говорить — не для того, чтоб слушали нас, но для того, чтобы тянуть разговор: *видел того, тот приехал, там обедал!* Завтра и после завтра, и на будущий год тоже... жизнь ли это? Однако ж есть люди, которые от юности до старости ничего больше не делали и думают, что *нечего больше и делать.*

* * *

В большом свете тотчас заметят худой вкус в нарядах, неловкость в обхождении, грубость чистосердечия; но не скоро узнают простяка, если он щеголеват, умеет хорошо представиться, знает свое место за обедом, играет в карты и — пуще

¹ Криптонимы Дмитриев использовал и раньше: ***¹ — 1802 и 1803 гг., -я — в 1803; в 1805—1806 гг. встречается также подпись «Дмитриев», «Дм.».

всего — танцует и правильно говорит по-французски. Там и трудно и легко попасть в умные люди.

* * *

Мы обыкновенно смотрим на ум с блестящей только стороны его; но по большей части требуем от него одной остроты, а еще чаще одного велеречия. Мы часто и умного человека почитаем тупым потому только что он тяжел в разговоре. Таких должно бы казаться узнавать и ценить по их поступкам.

* * *

В наши времена нескромно хвалиться своим великодушием, своею службою; напротив того позволено тщеславиться своим поваром, своим цугом, своим покровителем. А какими средствами иной все это нажил? Учтивый гость не спросит его, а до других ему и дела нет.

* * *

Дар красная или хорошего говоруна не изощряется в больших обществах; там скорее можно потерять его: ибо там никто не любит долго слушать; каждый развлечен или занят собою. Между тем как я начинаю рассказывать, один, слушая меня, подслушивает в то же время и разговор двух интриганов; другой заглядывается на красавицу, а третий поминутно смотрит на дверь, не вошел ли вельможа, чтоб не стоять к нему спиною.

* * *

Русские стихотворцы более всего пишут *оды*; типографии наши чаще всего печатают *оды*; Публика наша менее всего читает *оды*. Но как и читать их, когда многие одисты не знают и сами что говорят! Поэзию их в этом только смысле можно назвать иступлением, истинным бредом! — Для кого же они пишут? — Для Двора. — А Двор читает их? — И подавно нет. Чтож заставляет кропать одистов? — Надежда получить подарок. Ужели все из одного корыстолюбия? — Большая часть; иной же для того, чтобы прослыть умником между слуг своих; чтоб дядька сказал сыну его: батюшка ваш изволил писать и печатать; пишите, сударь, хорошенько азы, так и ваше будут печатать. — Бедные печатальщики! потерянные масло и сажал².

ОТРЫВОК РАЗГОВОРА НА БАЛЕ

Арист: Признайтесь, что здесь везде скучно: на балах передвигают ноги и кланяются, в вечерних беседах играют в карты, или говорят об одних шаялах и только!
Аглая: Это правда. Дом Климены почитается на самом лучшем тоне, у нее отборное общество — кто же и там? Эльвира душою разговора.

Арист: А она не больше, как скучная педантка: гоняется вечно за острым словом.

Аглая: А Хлоя за нею, и от зависти хочет лопнуть.

Арист: А прочие дамы в молчании ждут ужина, зевают и утешаются тем, что они в числе отборных.

Аглая: А Дамис непрестанно хохочет, думая, что в этом только и любезность светского человека.

Арист: А Дамону не вели петь, не давай арфы, так он скажет слова два, и задремлет.

Аглая: А Оргон, сидя между дам, говорит о рекрутском наборе, или толкует о гальванизме.

Арист: Я вчера ужинал там — и точно на ваш счет; однакож вы не были.

Аглая: Я звана была к Белинде, не завидуйте мне — хозяйка говорила только: *подайте чаю! снимите с свечи!* на двух столах играли в бостон и спорили; несколько старух судили о вчерашнем свадебном ужине; Эльвира просидела с Розалиею целый вечер в углу и делала критические замечания на всех проходящих, а я от скуки

² Разнообразные «Мысли и замечания» — оригинальные и переводные — часто встречаются на страницах «Вестника Европы» с первых лет его издания; из них упомянем не указанные ни в росписи М. Полуденского, ни в позднейшей литературе переводы из Шамфора (1808, № 3, с. 238—40; 1809; № 12, с. 263—68; б/п).

бренчала на фортепиано; неловкой Эраст несколько раз подходил сказать что-нибудь приятное, вытягивал шею, улыбался, вздыхал и отходил, не сказав ни слова.
Арист: Какое общество!
Аглая: Сноснее всех была Розалия.
Арист: Она довольно умна.
Аглая: По крайней мере не умничают.
Арист: И мало говорит на счет прочих.
Аглая: Почти не злословит. Начали вальс: прощайте! (*про себя*) Как он скучен!
Арист: (*про себя*) Как она самолюбива!

2. В. А. Жуковский как Лукьян Грибосолов

В свои собрания сочинений в прозе Жуковский (а вслед за ним и позднейшие издатели) включал помимо статей лирическую прозу. Таковы все известные оригинальные повести Жуковского.

Забываясь о целостности создаваемого им литературного образа, Жуковский, тем не менее, печатал — но под псевдонимами! — произведения, в этот образ не вполне укладывавшиеся и к сентименталистской традиции не принадлежавшие.

В письме к Жуковскому³ — соредактору по «Вестнику Европы» — Каченовский упоминает некое сочинение адресата, подписанное «Грибосолов», упрекает Жуковского за слишком низкий, даже вульгарный стиль этого сочинения и уведомляет о внесенных изменениях (так, «Вшивая горка» заменена на более пристойный, с точки зрения Каченовского, «Красный холм»).

Псевдоним «Лукьян Демидович Грибосолов» мы находим в № 15 за 1809 г. под публикацией «Письмо к Издателям Вестника Европы (Статья полезная для женатых)». Это выдержанный «во вкусе Аддисонова Зрителя»⁴ сатирический очерк о капризных мужьях. Его тема чрезвычайно характерна для нравоописательного эссе (ср. подобные сочинения: «Письмо молодой жены о старом ее муже», подп. «Ветрана» — ВЕ, 1808, № 23; «Жалобы молодой невесты на старого ее жениха, письмо к Издателю из Харькова», подп. «Неизвестова» — 1809, № 4; «О супружестве», подп. «Спб., Н. Покрск.» — 1809, № 4 (это пер. эссе Аддисона — «Наблюдатель», № 261), и проч.

Не случаен и выбор псевдонима: за несколько номеров до «Письма» Грибосолова (в № 7) в журнале был напечатан русифицированный перевод эссе Аддисона («Наблюдатель», № 499), подписанный «Лукьян Бурилов»; это очерк — тоже сатирический, тоже трактующий о браке и тоже названный «Письмо к Издателю». Не рискуя атрибутировать и этот текст Жуковскому, предположим, однако, что перед нами — попытка создания журнального персонажа по образцу многочисленных *eidola* английских журналов XVIII в., нечто вроде протоформы Лужницкого старца. Такой персонаж обретет законченность черт лишь десять лет спустя, во время расцвета нравоописательного очерка.

3. О некоторых криптонимах М. Т. Каченовского

В «Вестнике» 1810—1818 гг. буквой «Т.» подписано много текстов, в том числе определявших репутацию журнала⁵. Один из них — критика стихотворения С. А. Шихматова «Возвращение в отечество любезного моего брата» — атрибутируется редактору «Вестника» М. Т. Каченовскому на основании слов Батюшкова в письме Гнедичу от декабря 1810 г.: «Я читал Каченовского рецензию в журнале...»⁶

³ РО ИРЛИ, 28075/СС16115, л. 91 об., б. д.

⁴ Так сказано в «Вестнике Европы» о статьях В. Измайлова (1814, № 22, с. 125), писанных им под именем Московского бродяги; первая статья Измайлова в этом роде (ВЕ, 1814, № 14) имела эпиграф из «Наблюдателя». «Вестник Европы» 1800-х — 1810-х гг. как, впрочем, и некоторые другие журналы — не порывая с традициями XVIII в., изобилував переводами и переделками из классических английских журналов. См., напр.: «Анатомическое описание сердца кокетки» (вольный перевод из соч. Г-на Пиньютти) — 1806, № 12 (переделка знаменитого эссе Аддисона — «Наблюдатель», № 281); «Достопамятный сон», подп. «П.» (Герасим Федорович Покровский?) — 1811, № 2 (точный перевод того же эссе); «Характер Емилии», подп. «П. Ярославль» (Г. Ф. Покровский, есть ссылка на № 302 «Наблюдателя» — 1811, № 9); «Светская любезность и добродетель (Из записок старика, давно умершего)», подп. «А. (так!) Пкр.» — 1815, № 21 (пер. эссе Аддисона — «Наблюдатель», № 198) и др.

⁵ Впервые — 1809, № 23.

⁶ См., напр.: Альтшуллер М. Предтечи славянофильства в русской литературе: Общество «Беседа любителей русского слова». *Ann Arbor*, 1984. С. 133.

Однако принадлежность Каченовскому статей, подписанных «Т.», все же вызывает сомнение некоторых исследователей⁷.

Авторство Каченовского возможно доказать, исходя из содержания статей⁸, но в этом нет необходимости — прямое признание Каченовского на этот счет мы находим в его письме Жуковскому от 8 ноября 1810 г.: «Критика моя на Потерянный рай (речь идет о рецензии на перевод «Потерянного рая» Мильтона, подп. «Т.» и напечатанной в §§ 21 и 22 за 1810 г. — Г. З.) никуда не годится: от чего это? от того что я за болезнью и недосугами пропустил время, не обдумал своего предмета и принялся писать не имея об нем подробного сведения»⁹.

Одновременно с подписью «Т.» в журнале появляется подпись «М.», по всей вероятности, тоже принадлежащая Каченовскому¹⁰. Таким же образом — инициалами — помечал свои публикации в «Вестнике» 1810 г. и другой его редактор, Жуковский¹¹.

Заполняя журнал в значительной степени собственными работами, Каченовский имел несколько иерархически соотнесенных криптонимов. Буквой «К.», как правило, означены труды, в которых автор выступает как солидный ученый; неофициальными «М (ихаил)» и «Т (рофимыч)» (последним в особенности) — резкие полемические выходки, нравоучительные эссе и прочее тому подобное. (Впрочем, часто так подписываются и вполне нейтральные переводы и компиляции: система масок только намечена и не имеет жесткого характера.) Знаменательно, что образ Лужницкого старца, появившийся в № 13 за 1818 г. и отчасти совпавший с образом Трофимыча¹², быстро вытеснил его, и с 1819 г. подпись «Т.» исчезает со страниц журнала.

Со временем демонстративная игра псевдонимами становится существенной составляющей «Вестника». Так, по всей вероятности, пародийный характер имеет псевдоним «Ѡ» (Филалет; 1818, № 18) в переписке «киевского жителя» с «любителем изящных искусств» Т. Посвященная критике «Истории государства Российского» статья «От Киевского жителя к его другу», возможно, содержит насмешку над противником в самой своей подписи, намекая на определенную традицию (ср., напр., «Мелодор к Филалету. — Филалет к Мелодору» Карамзина и «Послание к Филалету» Жуковского); элемент пародии свойствен многим полемическим выступлениям Каченовского). Таким образом, эта переписка задумана как целое и, следовательно, имеет одного автора, т. е. Каченовского. Наиболее активно играли с образом Лужницкого старца — но это составляет особую историю.

4. Семь эпиграмм П. А. Вяземского.

В четвертом номере за 1809 г. опубликованы семь эпиграмм; шуточные подписи заставляют воспринимать эти стихи как цикл, принадлежащий одному автору. Вот, тексты:

СТРАННОСТЬ

В ночи Мелания — старушечка седая,
А днем ее сочтешь девицей молодой;
Ну, право, кажется Мелания ночная
Родною бабушкой Мелании дневной!

Неизвестный

⁷ См., напр.: «Нет твердых оснований полагать, что под псевдонимом «Т.» в 1818 г. в «ВЕ» с письмом «От любителя изящных искусств к его другу», содержащим критику Карамзина, выступил Каченовский (Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 39).

⁸ Так, положения ст. «От любителя изящных искусств к его другу» (ВЕ, 1817, № 4) совпадают с положениями «Опыта начертания общей теории изящных искусств» И. П. Войцеховича (1823; введение и первые 8 §§), написанного, как известно, во многом на основе лекций Каченовского. Повторяются не только мысли, но и формулировки и их расположение.

⁹ РО ИРЛИ. 28075/СС16115. л. 85.

¹⁰ Впервые — 1809, № 22; возможно, однако, что Каченовский — автор ст. «О новой Русской истории», подп. буквой «М.» — насмешливого отзыва о пособии аббата Переня (ВЕ, 1804, № 16).

¹¹ «В.» впервые — 1809, № 24, «А.» — 1810, № 12.

¹² Ср., напр., самописание повествователя в эссе «Толк о глупцах» (1810, № 22, с. 132; подп. «Т.»): «По склонности к уединению я, слава богу, свободен»; такой журнальный персонаж — холостяк-отшельник, склонный поучать — традиционен и восходит к классическим изданиям Аддисона и Стиля.

ТРУСОСТЬ

В прошедшу ночь, при лунном свете,
(Мне Клим Федотыч говорил)
Едва, едва меня мертвец не уморил!
Собой престрашный, по примете:
Он уши длинные имел,
И с виду точно был — осел!
Уж подлинно, что я боялся,
Со страху что начать не знал! —
«Вот трус-то! (я себе сказал)
Своей он тени испугался!»

*Тот же*¹³

СТАРШИНСТВО

Адамовы все люди детки,
В том мы согласны меж собой,
И также в том, что наши предки
Ходили долго за сохой;
Но наконец, когда устали
От трудных работы сей,
Иные раньше перестали,
Другие выпрягли поздней.

Брат его и приятель

К СЛЕЗЛИВОМУ СТИХОТВОРЦУ

Когда плачевные стихи твои читаю,
Ты сердисься на то, что слез не проливаю:
Сердиться на меня за то тебе грешно!
Виновен ли я в том, что плачешь ты смешно?

Твой читатель

ФЕКЛА ТРИФОВНА

Румяна, пудра и белила,
И мушки, и сурмила,
И ленты, и цветы,
И саржи, и тафты,
И юбки с фалбалами,
С фигурными узлами,
Вас людям на показ по городу везут,
И Феклой Трифоновной зовут.

*Не я*¹⁴

ЧЕСТНОСТЬ

Сантина, хочешь ты, чтоб я был твой любовник?
Но я таков,
Что памятен еще мне дедушка покойник,
И не хочу с тобой ковать ему рогов.

Дедушкин почтительный внук

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ

Героя древних лет, с почтенной сединой,
Лавровым листвием морщинливый лоб украшен
За то, что он врагам отечества был страшен!
А мы тот лист кладем на окорок свиной!

Любитель ветчины

¹³ Вариация на тему эпиграммы Ш.-С. Тевено «Je l'ai vul — Qui? — Satan. — Vous raillez. — Non, vraiment...».

¹⁴ Вариация на тему эпиграммы Ж.-О. Гомбо «Blanc d'Espagne, couleurs vermeilles...».

Две эпиграммы — «Древние и новые» и «К слезливому стихотворцу» — были перепечатаны в «Пантеоне Русской поэзии» (ч. 2, 1814 г.) и затем вошли в ПСС П. А. Вяземского, помеченные 1814 г.¹⁵; следовательно, П. А. — возможный автор и остальных пяти.

Любопытно, что стихи «К слезливому стихотворцу» в действительности придуманы не Вяземским: он почти дословно воспроизвел то, что было опубликовано еще в 1762 г. в № 3 журнала «Полезное увеселение» («Когда плачевные стихи твои читаю,/Ты сердисься, что я тут слез не проливаю;/Сердиться на меня, спроси у всех, грешно./Виновен ли я тем, что плачешь ты смешно?»).

Пролистав журнал начала XIX в., находим обилие псевдонимов, исправление и присвоение чужих стихов, бесчисленные варианты перевода иноязычной шутки... Атрибутировав текст тому или иному автору, нам остается лишь повторить слова Г. А. Гуковского: бытие классицистического произведения «не проецировано ни на какую индивидуальность»¹⁶.

¹⁵ Слб., 1880. Т. III.

¹⁶ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме//Поэтика, IV. Л., 1928. С. 132—33.